

Французский либерализм оформился в мощное и влиятельное политическое движение в первые годы Реставрации Бурбонов. В эпоху Реставрации, которую часто называют «героическим периодом» французского либерализма, он был защитником и вождем новой Франции, рожденной революцией. Однако отношение

А. Ю. Смирнов
**Свобода слова
по-французски
либеральное
движение
в эпоху
реставрации**

либералов к Революции и ее наследию всегда оставалось сложным и неоднозначным. Либеральное движение было неоднородным по составу, в нем существовали различные течения и направления. Бенжамен Констан стал одним из признанных лидеров и ведущим теоретиком группировки «независимых», прославив

---

¹ Кашников Б. Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. 2004. №3.

шейся оппозиционностью режиму¹. Его теоретические труды оказали большое влияние на развитие политической мысли в Европе, на состояние общественного самосознания во Франции в 20–30-е годы XIX века. Но Б. Констан никогда не был только кабинетным ученым — видный представитель либеральной мысли, он также был и активным политическим деятелем. Он последовательно выступал против всех законодательских инициатив правительства, направленных на уничтожение свободы слова и подчинения ее своему неограниченному влиянию. В данной статье будет делаться акцент на парламентской деятельности Б. Констана.

С восстановлением на престоле Бурбонов Франция, измученная бесконечными наполеоновскими войнами, наконец-то обрела мир. Общество, разочаровавшись в идеалах Революции и Империи, связывала с Реставрацией надежды на установление долгожданных политических свобод и принятие конституции, которая бы их гарантировала. Такая конституция была дарована Франции Бурбонами в 1814 г., и называлась она хартией. В ней были провозглашены принципы конституционной монархии: свобода личности, свобода слова и свобода вероисповедания².

После повторного прихода Бурбонов в 1815 г. к власти Палата депутатов, избранная в период Ста дней, была распущена, и назначены новые выборы. В их результате более $\frac{3}{4}$ состава Палаты депутатов оказались в руках ультрароялистов. Умеренно-либеральное правительство Ш.-М. Талейрана и Ж. Фуше было вынуждено уйти в отставку, его сменило правительство А. Ришелье, в котором герцог Э. Деказ занял пост министра внутренних дел. Вскоре непримиримый и от-

кровенно враждебный настрой «Бесподобной палаты» начал беспокоить Ришелье и его коллег. Король Луи XVIII, подталкиваемый своим фаворитом Деказом, согласился ее распустить, что и было сделано ордонансом от 5 сентября 1816 г. Новая Палата издала ряд законов, отвечающих духу хартии. Одним из них стал избирательный закон, который вводил ежегодное обновление $\frac{1}{5}$ Палаты, а также предоставлял одинаковые права всем выборщикам, платящим 300 франков прямых налогов в год.

Частичные выборы осенью 1818 г. усилили левое — либеральное крыло Палаты депутатов. Эта победа оппозиции стала возможна благодаря избирательному закону 1817 г., наделявшего правом голоса не только крупную, но и среднюю буржуазию. Видные политики времен Ста дней маркиз де Лафайетт, Жак Антуан Манюэль, Бенжамен Констан, влиятельные банкиры Жак Лафитт, Казимир Перье, Бенжамен Делессер, баллотировались против кандидатов от министерства Ришелье. Их поддержали бонапартисты и левые либералы, выразив, таким образом, свое недовольство режимом. В результате Лафайетт и Манюэль были избраны в Парламент.

В 1819 г. партия занимала четко выраженную оппозицию режиму. «Независимые» умножили переписку со своими союзными комитетами в департаментах и провели энергичную предвыборную кампанию. Это позволило ей добиться большинства на переизбрании одной пятой в 1819 г. Именно тогда Бенжамен Констан, избранный от департамента Сарт, вошел в Палату. Этот успех «независимых» во многом объясняется позицией средней буржуазии, которая в своем большинстве голосовала как против правых,

¹Левые либералы в парламенте называли себя «независимыми», тем самым подчеркивая свою оппозиционность министерству, а порой и самому режиму Реставрации. «Независимые» стремились к ограничению королевской власти представительными учреждениями и законами, которые бы гарантировали незыблемость прав и свобод подданных. Режим Реставрации не вызывал у них доверия и сочувствия, однако они были готовы с ним мириться как с неизбежным злом до поры до времени, так как боялись возврата революционного террора и деспотизма.

²Droz J. De la restauration a la revolution 1815–1848. Paris, 1970. 2-eme edition. P. 108.

так и против центра. В 1820 г. все лидеры так называемой партии «независимых» оказались в Палате. Нужно сразу же отметить, что применять слово «партия» к левым либералам — «независимым» можно только с большой оговоркой, поскольку они никогда не были столь же организованны и дисциплинированы, как, например, английские партии вигов и тори.

В этой «партии» смешались бонапартисты и республиканцы без четко определенных целей. Там же можно было найти аристократов, поссорившихся с монархией, людей радикальных взглядов, следовавших традициям партии патриотов времен Революции, а также смещенных Реставрацией генералов, которые устремились в политику в надежде сделать новую карьеру, как например, генерал М. С. Фуа. Более значительным для будущего партии явилось вступление в ее ряды крупных парижских банкиров, обладавших значительным влиянием также и на дела коммерции¹.

Ришелье, напуганный результатом выборов, решил начать переговоры с правой фракцией ультрароялистов в парламенте. Но за свою поддержку она потребовала изменения избирательного закона от 5 февраля 1817 г. в пользу земельной аристократии и высылки из Франции королевского фаворита Деказа. Эти условия показались Луи XVIII чрезмерными, в результате чего Ришелье был вынужден подать в отставку, а король решился на формирование правительства, в которое вошли бы представители либеральной оппозиции — единственный выход из сложившейся ситуации². Деказ был назначен министром внутренних дел с подчинением ему полиции, а генерал Жан

Жозеф Дессоль занял пост министра иностранных дел. Факт включения в правительство де Серра в качестве министра юстиции, который являлся одним из видных деятелей кружка доктринеров³, назначение Ф. Гизо на ответственный пост директора департаментских и общественных дел, сохранение прежних должностей у П.-П. Ройе-Коллара и барона П. Б. Баранта — все это давало повод называть это правительство «доктринерским». Выступая ранее за предупредительные меры в отношении печати, доктринеры ясно осознавали, что после пяти лет реставрации Бурбонов политическая ситуация в стране сравнительно стабилизировалась, и общественность была неудовлетворена тем положением, в котором находилась печать. В обществе чувствовалась потребность в новом, подробном и всеобъемлющем законодательстве, которое бы урегулировало правовое положение печати⁴.

Эту задачу попытался решить де Серр, который предложил разработать новое законодательство по делам прессы. Первый законопроект касался преступлений, совершаемых посредством печати. Второй — судопроизводства по делам печати, а третий был посвящен периодической прессе. В этих законах провозглашался ряд важных либеральных принципов. Особо подчеркивалось, что не существует специальных преступлений печати, а есть только обыкновенные преступления, совершаемые посредством печати. Призывы к изменению порядка престолонаследия, выпады против законной власти короля и парламента приравнивались к разряду тяжких преступлений. Все остальные призывы относились к менее строго наказываемым преступлениям. В особые кате-

¹Girard L. Les liberaux francais de 1814 a 1875. Aubier, 1985. P. 84.

²Droz J. Op. cit. P. 115–116.

³Доктринеры были последовательными сторонниками Хартии и либеральных преобразований в стране, проводимых, однако, с согласия короля и при его поддержке. Одним словом, они хотели примирить, как тогда говорили, Хартию и Бурбонов, что было практически нереальным делом в условиях разгула роялистского террора в стране.

⁴См.: Бутенко В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху Реставрации. Т. 1. СПб., 1913. С. 373–74.

гории караемых преступников выделялись оскорбление особы короля и общественной нравственности, клевета, направленная в адрес отдельных как частных, так и государственных лиц. Под нарушением общественной нравственности подразумевалось оскорбление религии, являющейся основой всякой нравственности. Эти положения вызвали критику как со стороны левых, так и со стороны правых¹.

В своей первой речи, которую неофициальный лидер независимых в парламенте Б. Констан произнес в Палате депутатов 14 апреля 1819 г., он высказался по поводу проекта закона, предусматривавшего наказания за преступления прессы. Особое внимание Б. Констан уделил 4 и 5 статьям законопроекта, которые предусматривали наказания за нападки на преемственность трона и форму правления. Он был искренне убежден, что эти статьи лишние, а излишняя предосторожность может только повредить, поскольку конституционная монархия, по его мнению, представляет собой лучшую форму правления, где всю ответственность и критику принимают на себя министры, а монарх остается как бы в тени, чего нельзя сказать о деспотическом правительстве, где бояться за порядок престолонаследия. При конституционной монархии империя закона незыблема, и излишних предосторожностей просто в принципе не должно существовать.

Далее в выступлении была затронута статья 7. В ней впервые прозвучало определение «заговорщики», под которое попадали все нарушители общественного спокойствия, высказывающиеся против политики правительства или особы короля. Бенжамен Констан в своей речи не без основания заявил, что так поступают только бедняки, ведь чаще всего именно они в беде или горе говорят нехорошее о короле и правительстве, и нельзя же их считать «заговорщиками». Он предложил облегчить им наказание, сократив

срок тюремного заключения с двух лет до трех месяцев, так как бедняки кормятся трудом, и, лишив их возможности зарабатывать на хлеб, можно лишь разжечь беспорядки, а не пресечь их в корне, как это предусматривается в законе².

Что касается суда присяжных, необходимость которого была провозглашена доктринами еще в предыдущую сессию, то его компетенция была значительно сужена. Де Серр полагал, что нет никакой необходимости перегружать суд присяжных, разбирающих, как правило, сложные и запутанные дела, как, например, определение того, содержит ли публикация призыв к совершению преступления или нет, в то время как нанесение обиды, характер которой не является двусмысленным, могло быть рассмотрено обычным судом. Так, законопроект предусматривал, что клевета, допущенная в отношении государственных чиновников, должна судиться судом присяжных, а политические оскорбления — уголовным трибуналом, то есть они выводились из ведения суда присяжных. В этом пункте «доктринеры» разошлись с левыми «независимыми», которые считали, что суд присяжных должен распространяться на все правонарушения.

«Независимые» придавали большое значение суду присяжных: они считали, что существует разница между преступлениями печати и другими преступлениями, поскольку первые всегда затрагивают в той или иной мере честолюбие властей. Оправдание писателя является как бы торжеством мнения частного лица над мнением власти, поэтому суды не смогут судить незаинтересованно. Созданные властью, государственные суды являются ее неотъемлемой частью и имеют общие с ней интересы. Вот почему они всегда будут выступать на стороне власти, а не писателя. Присяжные — обычные граждане, а следовательно, могут оказаться в положении обвиняемого писателя, поэтому они за-

¹ Archives parlementaire. 2-eme ed. Paris, 1873. V. 23. P. 652 et suiv. P. 720–725.

² Constant B. Discours de m. B. Constant a la Chambre des deutes. V. 1. Paris, 1827. P. 11–13.

интересованы в принятии справедливого решения. Правые, напротив, посчитали суд присяжных некомпетентным по сравнению с обычным судом, кроме того, не обладающим необходимой независимостью и проникнутым партийным духом.

Особенно ожесточенные споры разгорелись по поводу закона о клевете и оскорблении, который являлся неотъемлемой частью законопроекта де Серра, пытающегося поставить печать под надежный правительственный контроль. Контроль над прессой был необходим, так как «ультра» могли бы воспользоваться свободой прессы для усиления своего и без того значительного влияния в департаментах и привлечения новых приверженцев, что в конечном счете неминуемо закончилось бы кровавыми беспорядками, как это неоднократно случалось в 1815–1816 гг.

Третий закон определял особый статус газет и других периодических изданий. Он упразднял необходимость получения правительственного разрешения на издание. В качестве гарантий от злоупотреблений каждый периодический орган должен был указать двух поручителей — ответственных издателей или собственников издания, а также внести большой залог для выплат возможных штрафов. Эти меры предусматривали, что свобода печати распространится не на всех граждан, а только лишь на определенный слой, располагающий значительными денежными средствами. Весьма откровенно высказался по этому поводу Ф. Гизо, заме-

тив, что ни общество, ни партии не заинтересованы в том, чтобы газеты оказались в распоряжении низших слоев общества, необходимо и полезно, чтобы они находились в руках людей, имеющих образование, обладающих полной независимостью и свободным досугом.

Против положений третьего законопроекта энергично выступили «независимые». Третий законопроект, по мнению Б. Констанна, был наименее либеральным. Несмотря на то что он не устанавливал прямых предупредительных мер против газет, проект предусматривал косвенные меры в виде большого залога. Свободы печати не существовало для тех, кто не обладал достаточными денежными средствами, чтобы выплатить залог. Только состоятельная политическая группировка, объединившаяся вокруг газеты, была в состоянии внести необходимую денежную сумму в качестве залога. Но такая возможность не отвечала принципам Констанна, ведь залог являлся в таком случае торжеством партий, а отдельное мнение было обречено на молчание¹. Бенжамен Констан настаивал на обеспечении гарантии издателям, поскольку очень трудно было себе представить свободу прессы с такими ограничениями и жесткими наказаниями, которые предусматривал закон по малейшему поводу. Все это в итоге должно было неизбежно привести к отказу от инициативы и смелых решений, присущих этой профессии.

(Продолжение следует)

¹Bastid P. B.Constant et sa doctrine. V. 2. P. 796–797.